

ключается обещание опровергнуть суждение людей, исполненных заблуждений, утверждаемое и подкрепляемое душевной низостью. Следует также обратить внимание на то, что в этом вступлении обещано сначала рассуждать об истинном, а затем опровергнуть ложное, а уже после этого ведется рассуждение об истинном, что как будто не отвечает обещанному. При этом надо помнить, что, хотя в обоих случаях имеется в виду одно и то же, все же главным является рассуждение об истинном; опровержение же ложного имеется в виду лишь постольку, поскольку истина таким образом лучше проясняется. Здесь, в канцоне, сначала обещается рассуждение об истинном в качестве главной задачи, которая в душе слушателей вызывает желание слушать; в трактате же сначала опровергается ложное, с тем чтобы, рассеяв дурные мнения, можно было после этого более свободно воспринять истину. И этого способа придерживался мастер человеческого разума Аристотель, который всегда сначала сокрушал противников истины и лишь потом, переубедив их, показывал истину.

Наконец, когда я говорю: «Призвав Амора...» – я призываю к себе истину, которая и есть этот господин, обитающий в очах, то есть в доказательствах Философии, и он действительно господин, поскольку обрученная с ним душа есть госпожа, тогда как без него она – рабыня, лишенная всякой свободы. И текст гласит: «...в саму себя влюбляется она», ибо Философия эта, которая на основании сказанного в предыдущем трактате и есть любовное применение мудрости, созерцает саму себя, когда перед ней является красота ее очей; что не означает ничего другого, кроме того, что философствующая душа созерцает не только эту истину, но созерцает также и собственное свое созерцание и его красоту, обращаясь на саму себя и влюбляясь в саму себя с первого же взгляда на эту красоту. И на этом заканчивается в тексте настоящего трактата то, что касается трехчленного вступления к канцоне.

III.

Рассмотрев смысл вступления, нам надлежит продолжить трактат; а для большей его ясности следует разделить канцону на ее основные части, которых три: в первой обсуждается мнение других людей относительно благородства; во второй автор высказывает собственное мнение о благородстве; в третьей речь обращается к самой канцоне как бы для украшения того, что уже было сказано. Вторая часть начинается со слов: «От корня одного берут начало...» Третья – «Ты, против заблуждающихся, в путь...». А вслед за этими тремя основными разделами придется сделать другие подразделения, дабы как следует схватить тот смысл, который мы намерены обнаружить. Поэтому пусть никто не удивляется, если в дальнейшем мы будем прибегать к частым членениям; ведь ныне руки наши принялись за великое и высокое дело, мало исследованное другими авторами; к тому же, рассуждению, к которому я приступаю, предстоит быть пространственным и тонким, чтобы можно было в совершенстве разобраться в тексте, уяснив заложенный в нем смысл.

Итак, обращаясь теперь к первой части, я утверждаю, что она делится надвое: в самом деле, в первом ее разделе излагаются чужие мнения, а во втором они опровергаются; начинается же этот второй раздел со слов: «И тот, кто молвил, что людей природа...» Но и первый остающийся раздел имеет два членения: первое – это пересказ мнения императора; второе – пересказ мнения простых людей, совершенно невежественных. Начинается же эта вторая часть со слов: «Иной же благородство утверждает...» Итак, я говорю: «Того, кто правил царством...»; при этом надо помнить, что Фридрих Швабский, последний римский император (я говорю «последний» в отношении настоящего времени, невзирая на то, что Рудольф, Адольф и Альберт были впоследствии избраны после его смерти и смерти его преемников), на вопрос, что есть благородство, отвечал, что это – древнее богатство и добрые нравы. И я говорю: «Иной же благородство утверждает...»; в самом деле, этот человек, всячески обдумывая и переворачивая это определение, отбросил его вторую половину, то есть добрые нравы, и сохранил только первую, то есть древние богатства, и, как явствует из текста, не обладая, быть может, добрыми нравами, но не желая терять звания благородного, определил благородство так, как ему было выгодно, а именно как обладание древними богатствами. И я утверждаю, что мнение это – почти всеобщее и что его придерживается каждый, кто называет человека благородным только за то, что он происходит из рода уже давно разбогатевшего; во всяком случае, чуть ли не всякий рассуждает именно таким